

А. В. Бодров, Н. А. Власов

**НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ И ФРАНЦУЗСКОЕ МИРНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ 1870–1871 гг.**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-51-59

УДК 94(44+430)“1870/1871” ББК 63.3(4Фра+4Гем)5

Статья выявляет наиболее распространенные формы взаимодействия немецких военнослужащих и французского гражданского населения на оккупированных территориях Франции в 1870–1871 гг., а также причины, по которым это взаимодействие принимало ту или иную форму. Авторы отмечают разнообразие форм этого взаимодействия. К массовому самопожертвованию простые французы оказались не готовы, однако и случаи коллаборационизма были крайне редки. Немецкие военные власти, в свою очередь, не стремились к причинению французскому населению максимальных страданий и делали ставку на сотрудничество, а не репрессии. Благодаря этому закручивания спирали взаимного массового насилия в ходе войны 1870–1871 гг. удалось избежать. Авторы выделяют ряд ключевых факторов, влиявших на характер взаимоотношений оккупантов и оккупированных в каждом конкретном случае. Во-первых, непосредственный контекст военной обстановки: в зоне боев чаще наблюдались конфликтные формы. Во-вторых, политический контекст: смена установок на степень вовлечения населения в войну после прихода к власти в Париже республиканского правительства национальной обороны и ответная реакция германского командования. В-третьих, фактор общей военной обстановки, рост усталости от войны и все большая предопределенность ее исхода. В-четвертых, фактор взаимного восприятия французов и немцев, далекий от демонизации и дегуманизации противника. Пятым фактором являлась продолжительность контакта. Наконец, географический и классовый факторы, в силу которых конфликтные формы были чаще характерны для городских низших и средних слоев французского общества.

Ключевые слова: Франко-германская война 1870–1871 гг., германская армия, гражданское население, оккупация, сопротивление, коллаборационизм

Проблема взаимодействия между солдатами и мирным населением на оккупированной территории часто выходит за рамки военно-исторических исследований и существует в виде набора стереотипных образов. Для одной стороны эти образы включают в себя жестокость оккупантов, героическое сопротивление населения и, возможно, редкие случаи коллаборационизма. Для другой — собственное великодушие в отношении мирных жителей и, возможно, коварство и бесчестные методы партизан. Реальный спектр сценариев взаимодействия оказывается значительно более широким. Помимо открытого вооруженного сопротивления и прямого сотрудничества с

врагом — двух крайних вариантов — он включает в себя множество промежуточных форм. При этом варьироваться может поведение обеих сторон — и оккупантов, и жителей оккупированных территорий. Хорошим примером такого рода разнообразия является Франко-германская война 1870–1871 гг., в ходе которой войска германских государств оккупировали более четверти французской территории. Естественным образом возникает вопрос о том, чем именно определялся характер взаимоотношений в каждом конкретном случае. Почему, например, одни населенные пункты становились очагами партизанской войны, а в других имело место мирное и даже в какой-то степени взаимовыгодное сотрудничество?

Целью представленного исследования является не просто определение наиболее распространенных форм взаимодействия между немецкими военнослужащими и французским гражданским населением на оккупированных территориях Франции в 1870–1871 гг., а выявление причин, по которым это взаимодействие принимало ту или иную форму. Данная тема практически не затронута в отечественной литературе, если не считать краткого

*Бодров Андрей Владимирович — к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
E-mail: bodrovandrew@yandex.ru*

*Власов Николай Анатольевич — к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)
E-mail: n.vlasov@spbu.ru*

упоминания в общих работах.¹ При этом нельзя не упомянуть отечественные исследования, посвященные схожим сюжетам в других вооруженных конфликтах XIX в., — к примеру, монографию В. Н. Земцова.² В зарубежной историографии интерес к полноценному изучению проблем оккупации также возник сравнительно поздно, ближе к концу XX в., но сводился преимущественно к опыту мировых войн.³ С этого момента вышел ряд работ, посвященных антропологии Франко-германской войны в целом и взаимодействию между немецкими солдатами и жителями оккупированных территорий; наиболее значимые принадлежат перу Ф. Кюлиха,⁴ Х. Рака,⁵ М. Стонемана.⁶ Однако ни одна из них не затрагивает напрямую вопрос общих причинно-следственных связей, поставленный в настоящей статье. Это справедливо и для самых фундаментальных франкоязычных работ о войне С. Одуэна-Рузо⁷ и Ф. Рота.⁸ Небольшие специальные исследования, посвященные теме оккупации, — А. Диру,⁹ К. Фаренка,¹⁰ Г. Паризо¹¹ — сосредотачиваются лишь на отдельных аспектах указанной проблемы.

Источниковую базу исследования составили в первую очередь письма и дневники, а также воспоминания участников событий и опубликованные документы обеих сторон. При анализе этих свидетельств учитывалось несколько важных моментов. Во-первых, эти источники отражали восприятие и опыт оккупации преимущественно образованной и

городской части французского общества, офицеров и унтер-офицеров германских войск. Во-вторых, французские свидетельства ожидаемо делали акцент на конфликтной стороне германской оккупации, а немцы далеко не всегда верно понимали мотивы, толкавшие обывателей к сотрудничеству с неприятельскими солдатами.

Анализ материалов позволяет выделить следующие наиболее распространенные формы реакции французского населения на немецкую оккупацию:

- вооруженное сопротивление, включая оказание деятельной помощи регулярным и иррегулярным формированиям, действовавшим в тылу противника;

- пассивное сопротивление, включая уход из населенных пунктов и отказ от любых контактов с оккупационными войсками;

- вынужденное сотрудничество, включая прием расквартированных солдат и офицеров, поставки продовольствия по требованию немецких оккупационных властей;

- добровольное сотрудничество, включая торговлю с немецкими солдатами и офицерами; случаи прямого коллаборационизма носили скорее характер исключений, поскольку всем были очевидны временный характер оккупации и негативное отношение к коллаборационизму со стороны французских властей и общества.

С немецкой стороны, в свою очередь, подход варьировался в диапазоне от прямых репрессий (военно-полевых судов, уничтожения имущества, контрибуций) до поощрения сотрудничества. Официальная политика заключалась в том, чтобы выстраивать мирные и взаимовыгодные отношения с гражданским населением, используя силу лишь в качестве наказания за сопротивление. Таким образом, немецкая политика в каждом конкретном случае становилась во многом реакцией на действия французов. На уровне непосредственных контактов между войсками и гражданским населением реальность часто выглядела иначе. Особая ситуация складывалась на территории Эльзаса и восточной Лотарингии — тех частей Франции, в отношении которых прусское государственное руководство уже в сентябре 1870 г. запланировало аннексию. Здесь с самого начала был взят курс на создание немецких административных структур и выстраивание отношений с местными жителями как с будущими подданными.

¹ См.: Бодров А. В., Власов Н. А. Железо и кровь. Франко-германская война. СПб., 2019.

² См.: Земцов В. Н. Наполеон в России: социокультурная история войны и оккупации. М., 2018.

³ См.: Roynett O. Vainqueurs et vaincus: réflexions sur l'histoire de l'occupation en Europe (XIXe siècle — Première Guerre mondiale) // Les comportements collectifs en France et dans l'Europe allemande 1940–1945. Rennes, 2015. P. 285–292.

⁴ См.: Kühlich F. Die deutschen Soldaten im Krieg von 1870/1871. Eine Darstellung der Situation und Erfahrungen der deutschen Soldaten im Deutsch-Französischen Krieg. Frankfurt-am-Main, 1995.

⁵ См.: Rak C. Krieg, Nation und Konfession. Die Erfahrung des Deutsch-Französischen Krieges von 1870/71. Paderborn, 2004.

⁶ См.: Stoneman M. The Bavarian Army and French Civilians in the War of 1870–1871: A Cultural Interpretation // War in History. 2001. Vol. 8, iss. 3. P. 271–293.

⁷ См.: Audoin-Rouzeau S. 1870. La France dans la guerre. Paris, 1989.

⁸ См.: Roth F. La guerre de 1870. Paris, 1990.

⁹ См.: Dirou A. La guérilla en 1870: résistance et terreur. Paris, 2014.

¹⁰ См.: Farenc C. Guerre, information et propagande en 1870–1871: le cas de la Champagne // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1984. T. 31, № 1. P. 27–53.

¹¹ См.: Parisot G. De la négociation comme instrument d'occupation pacifiée et d'exploitation économique efficace pendant la guerre de 1870–1871 // Le temps des hommes doubles. Les arrangements face à l'occupation, de la Révolution française à la guerre de 1870. Rennes, 2013. P. 279–302.

Первые контакты между немецкими солдатами и французским мирным населением состоялись уже в начале августа 1870 г. В течение первого месяца войны они носили преимущественно мирный характер; о каких-либо масштабных и организованных партизанских действиях французов не было и речи. С обеих сторон практиковался подход, характерный для эпохи «кабинетных войн»: монархи и армии воюют, долг подданных — сохранять спокойствие. Однако немалая часть французского населения стремилась избежать встречи с врагом. Французская пресса заранее создавала образ пруссаков как «варваров» и «грабителей»,¹² поэтому сельское население северо-восточных департаментов массово бежало в столицу и под защиту крепостей. К сентябрю 1870 г. в одном Париже оказалось примерно 200 тыс. беженцев, а предместья французской столицы почти полностью обезлюдели.¹³

Уже в этот период фиксируются первые конфликты между местным населением и немецкими солдатами, которые вламывались в жилища и забирали все, что им требовалось. В особенности это касалось домов, оставленных обитателями: если в доме, где военные собирались остановиться на ночлег, был хозяин, спорные вопросы часто удавалось урегулировать; если жилище было найдено пустым, солдаты считали себя вправе распоряжаться им по своему усмотрению. «Бежать — это самое глупое, что могут сделать жители при приближении противника, — писал один из участников кампании в своих мемуарах. — Солдат же не заставят лежать на улице, если рядом стоят дома!»¹⁴ Очевидцы-французы, со своей стороны, подтверждали, что немецкие солдаты меньше считались с принципом неприкосновенности частной собственности в первую очередь в зоне боев, а также в окрестностях осажденных городов-крепостей (Парижа, Страсбурга, Туля, Меца, Бельфора и Орлеана), где основная масса жителей при приближении немцев бросила свои дома, чтобы найти убежище за городскими укреплениями.¹⁵

В общем и целом, однако, отношения были спокойными, взаимной ненависти не ощущалось. Основная масса французов поначалу встречала немецкие войска скорее с любопытством, нежели с враждебностью. В свою очередь, немецкое командование 11 августа от имени прусского короля издало прокламацию к французскому населению, в которой говорилось: «Я веду войну с французскими солдатами, не с гражданами Франции, кои поэтому будут наслаждаться безопасностью собственной и своего имущества, если сами враждебными предприятиями против немецких войск не лишат себя права на мою защиту».¹⁶ С учреждением первых германских генерал-губернаторств на оккупированных территориях местному населению неизменно обещались возвращение спокойствия и порядка, сокращение и упорядочение реквизиций. Жители деревень приглашались к возвращению к полевым работам и возобновлению торговли продуктами под гарантии неприкосновенности.¹⁷

Значительная часть французских обывателей оказалась не готова жертвовать даже имуществом, если сопротивление казалось безнадежным. Этот фактор сказался на судьбе многих старых приграничных крепостей, цитадели которых были окружены плотной городской застройкой. Их сопротивление сулило городам серьезные разрушения. Коменданты Лана, Суассона, Ля-Фер, Витри-ле-Франсуа, Неф-Бризак столкнулись с сильным давлением горожан и муниципальных властей в пользу немедленной сдачи, массовым дезертирством местных мобильных гвардейцев и, в ряде случаев, даже угрозами расправы или восстания со стороны горожан. Гарнизоны Туля, Вердена, Бельфора, Битш, напротив, либо избежали давления мирных жителей, либо получили их деятельную поддержку. Шансы на последнюю повышались, если население успевало свыкнуться с войной, если выдержать осаду казалось возможным, если в составе гарнизонов оказывались подразделения из других департаментов, а горожане не были свидетелями отступления регулярных сил, порождавшего ощущение, что «Франция их бросила».¹⁸

¹² Jeismann M. Das Vaterland der Feinde. Studien zum Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918. Stuttgart, 1992. S. 207–234.

¹³ См.: Bourachot A., Ortholan H. Les deux sièges de Paris, 1870–1871. Paris, 2016. P. 109, 110.

¹⁴ Verdy du Vernois J. Im Großen Hauptquartier 1870/71. Berlin, 1896. S. 194.

¹⁵ См.: Ruble A., baron de. L'Armée et l'administration allemandes en Champagne. Paris, 1872. P. 3, 4.

¹⁶ Menzel W. Geschichte des französischen Kriegs von 1870–1871. Stuttgart, 1871. Bd. 1. S. 130.

¹⁷ См.: Archives Diplomatiques, 1871–1872. Paris, 1872. Vol. II. № 371. P. 429, 430.

¹⁸ Parisot G. La capitulation est dans la rue? Retour sur les volontés de résistance ou de reddition des villes face à l'ennemi au cours de la guerre de 1870 // La ville en ébullition: Sociétés urbaines à l'épreuve. Rennes, 2014. P. 147–150.

Первые серьезные столкновения с участием мирного населения произошли в ходе битвы при Седане 1 сентября 1870 г. С раннего утра за деревню Базейль к юго-востоку от Седана развернулись ожесточенные бои: части 1-го баварского корпуса столкнулись с яростным сопротивлением французской морской пехоты, деревня несколько раз переходила из рук в руки. Местные жители не успели покинуть Базейль, и некоторые из них в ходе боя оказывали помощь французским солдатам и даже стреляли в немцев. Разъяренные потерями баварцы, в свою очередь, расстреливали на месте жителей, заподозренных в участии в бою, и после завершения штурма методично сожгли всю деревню. Согласно послевоенному расследованию, в общей сложности погибло около сорока мирных французов.¹⁹ Подобного рода сцены повторялись затем на протяжении всей войны: в ожесточенных городских боях, когда огонь велся из окон домов, у солдат неизменно возникало ощущение, что жители взяли в руки оружие. Так было, к примеру, при штурме Шатодена.

Стоит отметить, что Сен-Кантен (8 октября), Рамбервиллер (9 октября), Шатоден (18 октября) и Дижон (30 октября) стали главными примерами французских «открытых» (то есть лишенных укреплений) городов, рискнувших противостоять германским регулярным силам. Их жители возводили на улицах баррикады и отчаянно сражались в рядах мобильной и национальной (оседлой) гвардии, пожарных команд или добровольческих формирований, неся тяжелые потери.²⁰ Но даже в этих случаях речь не шла о поголовном участии. К тому же участь Шатодена, серьезно пострадавшего в результате обстрелов и пожаров, скорее побуждала власти других городов отказываться от сопротивления. За всю войну лишь крошечный Рамбервиллер и Доль решились на выступление собственными силами без какой-либо помощи или побуждения извне, и в обоих случаях можно говорить о спонтанной реакции на внешнюю угрозу. Значительно чаще столкновения происходили в контексте партизанской войны, развернувшейся с осени 1870 г.

Уже 28 августа прусский кронпринц записал в своем дневнике: «Повсеместно в наши патрули стреляют, большей частью трусливо, из засады. Нам не остается ничего иного кроме как принимать контрмеры — поджигать дома, из которых стреляют, брать заложников или требовать контрибуции. Все это ужасно, но необходимо для того, чтобы избежать более масштабных несчастий».²¹ Французские партизаны — франтиреры — представляли собой по большей части подразделения вооруженных сил (в том числе мобильной и национальной гвардии), действовавшие в тылу противника. Новое республиканское правительство в Париже придавало развертыванию масштабной партизанской войны большое значение. Успех операций франтиреров во многом определялся степенью поддержки местного населения, что прекрасно понимали и немцы. Практикуя принцип коллективной ответственности, им удалось добиться определенного отчуждения между населением и партизанами. В дневнике одного из жителей Мелена, городка у северной окраины леса Фонтенбло, в котором партизанская война шла особенно активно, отмечался всеобщий страх перед франтирерами. Объяснения автора показательны: «Они всегда слишком малочисленны, чтобы дать отпор врагу, и они навлекают своим присутствием на города и деревни ужасные кары; их дело — сидеть в засаде в лесах, у дорог... а не устраиваться в домах».²² В итоге франтирерам, особенно если среди них не было местных уроженцев, часто не приходилось рассчитывать на теплый прием. «Стоило нам показаться, как двери и ставни захлопывались... нам отказывали в хлебе, пристанище, постели, соломе, да даже в стакане воды», — сетовал один из добровольцев.²³

Вместе с тем, как справедливо отмечает французский историк Г. Паризо, опыт войны 1870 г. для французской деревни «остается очень плохо известен» современным исследователям.²⁴ Многие мемуаристы с готовностью воспроизводили «черную легенду» о малограмотных крестьянах, чуждых всякого патриотизма и куда более охотно снабжавших немцев, нежели партизан. Так, один из преподавателей парижского Коллеж де Франс во время по-

¹⁹ См.: Stoneman M. Op. cit. P. 725.

²⁰ См. подробнее: Lebreton L. L'heroique defense de Chateau-dun du 18 octobre 1870, histoire d'un mythe. Chateau-dun, 2014; Lalouette J. La Légion d'honneur et les «petites patries». Les communes bourguignonnes décorées de la Légion d'honneur // La fabrique de l'honneur: Les médailles et les décorations en France, XIXe–XXe siècles. Rennes, 2009. P. 41–45; Parisot G. La capitulation est dans la rue?... P. 165–173.

²¹ Kaiser Friedrich III. Das Kriegstagebuch von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926. S. 78.

²² Julliot. Les Prussiens à Melun. 1870–1871. Notes quotidiennes prises pendant le séjour et durant l'occupation de la ville de Melun. Melun, 1872. P. 31.

²³ Цит. по: Dirou A. Op. cit. P. 227.

²⁴ См.: Parisot G. La capitulation est dans la rue?... P. 175.

ездки через департаменты Эр-и-Луара и Орн горько иронизировал над похвальбой местных жителей, что «благодаря пруссакам они прилично заработали, продав тем продовольствие намного дороже того, что они могли бы получить со своих соотечественников».²⁵ Другой молодой республиканец после полной приключений поездки по стране отмечал в своем дневнике трусость, жестокость и подозрительность крестьян, «трепещущих от одной только мысли о пруссаках», но скорых на расправу над соотечественниками.²⁶ Дневник жителя эльзасского Мюлуза зафиксировал даже рассказы о франтирерах и отбившихся от своих подразделений солдатах, выданных немцам обитателями окрестных деревень.²⁷ Но стоит учитывать, что активное сопротивление было для обитателей сельских районов еще более трудным выбором, чем для горожан. Большинство французских крестьян никогда не держало в руках оружие, и они были куда более уязвимы перед лицом угроз и злоупотреблений солдат, поскольку, в отличие от городских жителей, не могли апеллировать к вышестоящим офицерам и не обладали значительными ресурсами. Суровая зима 1870–1871 гг. поставила многие деревни на грань выживания, отдав их целиком и полностью на милость победителя.

К концу 1870 г. под властью немцев оказалась обширная территория северной, восточной и центральной Франции вплоть до Луары на юге и побережья Ла-Манша на западе; сил для установления над ней полного контроля не хватало. Свою слабость на местах немецкое командование пыталось компенсировать жестокими репрессиями. Показателен пример деревни Вариз к северо-западу от Орлеана, которая считалась одной из опорных баз франтиреров, «разбойничьим гнездом», как говорили немцы. 15 октября карательный отряд открыл по деревне артиллерийский огонь. Ее жители поспешили укрыться в зарослях камыша. Немцы подожгли камыш и расстреливали на месте всех. В заключение деревня была сожжена.²⁸ Подобного рода эксцессы в ответ на действия партизан происходили на всей оккупированной территории. Немецкие командиры на местах были наделены правом

безжалостно расстреливать всякого, кто поднимал оружие против немецких солдат. Например, в департаменте Сарта за время войны немцами было расстреляно 12 гражданских лиц, еще около сотни оказались под угрозой расправы в качестве заложников.²⁹ Общее число казненных подлинных или мнимых франтиреров до сих пор не установлено, как нет и достоверной общей статистики их потерь.

Стоит учитывать, что восприятие французским населением немецких карательных мер было весьма болезненным. Участник войны, известный французский историк Э. Лависс характеризовал действия противника на территории родного департамента Эна как «пруссский террор».³⁰ Жившие под оккупацией французы часто делали в своих воспоминаниях акцент на неизбирательности репрессий со стороны солдат противника. Немцы были бессильны установить личности нападавших, если тем удавалось скрыться. Сжигались поэтому те дома, в непосредственной близости от которых прозвучали выстрелы. Известны случаи, когда расстреливались и случайные прохожие, которым не посчастливилось оказаться на месте инцидента.³¹ Офицеры предпочитали полагаться на показания своих солдат и реагировать немедленно, ставя во главу угла неотвратимость наказания. Однако французское население ожидало трактовало это как произвол.³² Такое впечатление дополнительно усиливалось условной анонимностью людей в военной форме, на действия которых было трудно найти управу. Казнь даже одного жителя деревни или небольшого городка, где все знали друг друга, шокировала очевидцев и врезалась им в память; отсюда рождалось стремление максимально подробно зафиксировать обстоятельства этих происшествий и увековечить имена жертв. Как вопиющая несправедливость воспринималась также немецкая практика использования мэров французских городов и других уважаемых граждан в качестве заложников на поездках для предупреждения диверсий на железных дорогах.³³

²⁵ Paris assiégé, 1870–1871: Correspondance Fouqué — Le Coeur. Paris, 2014. P. 310.

²⁶ La république au défi de la guerre: Lettres et carnets de l'Année terrible, 1870–1871. Amiens, 2015. P. 74, 75.

²⁷ См.: [Meininger E.] Mulhouse pendant la guerre de 1870. Notes prises au jour le jour. Mulhouse, 1895. P. 61, 62, 85.

²⁸ См.: Kunz H. Die deutsche Reiterei in den Schlachten und Gefechten des Krieges von 1870/1871. Berlin, 1895. S. 268.

²⁹ См.: Tison S. Comment sortir de la guerre? Deuil, mémoire et traumatisme (1870–1940). Rennes, 2011. P. 36, 37.

³⁰ Lavis E. L'invasion dans le département de l'Aisne. Laon, 1872. P. 28, 29.

³¹ См.: Cathal J. P L'Occupation de Lunéville par les allemands, 1870–1873. Nancy, 1913. P. 36–38.

³² См.: Renauld J. L'Invasion Allemande à Charmes-au-Moselle (Vosges). Nancy, [s. d.]. P. 249, 250.

³³ См.: Diancourt V. Les Allemands à Reims, 1870–1871. Reims, 1884. P. 73–76; Laguerre J.-J. Les Allemands à Bar-le-Duc et dans la Meuse, 1870–1873. Bar-le-Duc, 1874. P. 137–140.

И все же гораздо более распространенным было мирное взаимодействие. Немецкие солдаты и офицеры размещались на постой во французских городах и деревнях и зависели от реквизиций необходимого продовольствия, особенно во время наступательных операций. Это приводило к многочисленным контактам, которые, разумеется, не всегда проходили к взаимному удовольствию сторон. Сплошь и рядом дома обывателей оказывались буквально наводнены непрошенными гостями, которые даже при самом корректном поведении немало стесняли хозяев. Немецкие войска вдобавок постоянно находились в движении: их потребности были сколь велики, столь и внезапны. Французы поначалу нередко отказывались сотрудничать. «Пока мы как следует не поколотили нескольких крестьян, нам не дали продовольствия», — писал в своих воспоминаниях немецкий военный врач.³⁴ Проблемы могли возникнуть и из-за языкового барьера — немецкие солдаты нередко принимали искреннее непонимание своих требований за пассивное сопротивление и переходили к принуждению. Большинство из них не видели ничего дурного в том, чтобы отнять у первого встречного француза то, в чем они нуждались, в особенности суровой зимой. В то же время систематические грабежи были скорее исключением. Реквизиции — в том числе стихийные — держались в определенных границах. Находившийся в Версале британский военный корреспондент У. Расселл писал: «Несмотря на все немецкие реквизиции, необходимо признать личную честность их солдат, и порой это признают даже французы».³⁵

Германская оккупационная система держалась больше на угрозе репрессий, чем на их осуществлении. Самым распространенным наказанием для строптивых городков и сельских коммун было направление войск для размещения на постой. Этого часто оказывалось достаточно, чтобы добиться выплаты контрибуции и выполнения других требований. Власти неоккупированного города Вербена и одноименного округа на севере департамента Эна, в частности, оказались готовы заплатить немцам значительную сумму, лишь бы войска противника не входили на его территорию.³⁶

³⁴ См.: Fritsch H. *Erinnerungen und Betrachtungen 1870/71*. Bonn, 1913. S. 217.

³⁵ Russell W.H. *My diary during the last war*. London; New York, 1874. P. 441.

³⁶ См.: Parisot G. *De la négociation comme instrument d'occupation pacifiée...* P. 283, 284.

Внимание французского правительства привлекла также ситуация в департаменте Кот-д'Ор: несмотря на требование министра внутренних дел Л. Гамбетты вести войну «всеми средствами»,³⁷ местные власти не мешали крестьянам поставлять продовольствие в занятый немцами Дижон, оправдывая это тем, «что если наш округ откажет Дижону, тот не сможет выполнить требуемое врагом, который решит прийти к нам и взять даром то, за что Дижон нам платит».³⁸ Германские оккупационные власти проявляли известную гибкость: они повсеместно охотно вступали с французскими муниципалитетами в переговоры и нередко шли на уменьшение требований. В свою очередь, местные французские власти были склонны оправдывать свои контакты с немцами необходимостью более справедливого распределения бремени от размещения войск, реквизиций и выплаты денежных контрибуций.³⁹ Однако своими действиями они объективно облегчали оккупантам задачу.

Впрочем, не менее многочисленными были проявления «пассивного сопротивления». Одной из его форм было участие граждан в тайной подписке на нужды новых республиканских армий, организованной муниципалитетами целого ряда оккупированных департаментов. Местные власти содействовали и записи в ряды французских войск, собирая средства для бегства потенциальных новобранцев на неоккупированные территории, невзирая на строгие запреты германских властей. Сопротивление в Эльзасе и вовсе направлялось своеобразной «теневой администрацией» бежавших в швейцарский Базель французских чиновников. С ноября 1870 г. здесь стали учащаться нападения на немецких солдат и служащих, акции саботажа и неповиновения. Расклеенные распоряжения оккупационных властей срывались.⁴⁰ Патриотично настроенные жители пытались также содействовать побегу пленных, обеспечивая их гражданской одеждой. Некоторые утверждали, что помогли подобным образом дезертировать и солдатам противника.⁴¹

³⁷ *Enquête parlementaire sur les actes du Gouvernement de la Défense nationale*. Paris, 1875. T. 2. P. 298, 299.

³⁸ Цит. по: Bonhomme É. *La République improvisée: l'exercice du pouvoir sous la Défense nationale*, 4 septembre — 8 février 1871. Saint-Pierre-du Mont, 2000. P. 314.

³⁹ См.: Gollnisch A. *Quelques documents sur Sedan pendant la guerre et l'occupation, 1870–1873*. Sedan, 1889.

⁴⁰ См.: Igersheim F. *De l'occupation à l'annexion. L'Alsace en 1870 // 1870, de la guerre à la paix: Strasbourg, Belfort: Actes du colloque*. Paris, 2013. P. 100.

⁴¹ См.: Scheurer-Kestner A. *Souvenirs de jeunesse*. Paris, 1905. P. 196.

Не последнюю роль во всем этом сыграл короткий всплеск надежд французов на перелом в войне, связанный с переходом собранных в провинции войск к активным боевым действиям. Пассивное сопротивление подстегивалось также ответным стремлением оккупационных властей ужесточить контроль в оккупированной зоне. Стоит учитывать, наконец, фактор постепенного ожесточения населения, вызванного тяготами от пребывания во Франции почти 800-тысячной армии противника.

Тем не менее даже на завершающем этапе войны отношения между домовладельцами и расквартированными у них немецкими солдатами и офицерами часто принимали вполне спокойный, а порой даже дружеский характер.⁴² Во многих немецких письмах и воспоминаниях фигурируют эпизоды общения с французами; последние обычно изображаются эмоциональными, весьма патриотичными, но несколько недалекими.⁴³ В свою очередь, французы, как зафиксировал полуофициальный опрос в департаменте Сарта, одобрительно отмечали почти неизменное спокойствие немецких солдат, их сентиментальность (проявлявшуюся, например, в отношении к чужим детям), миролюбие и способность к состраданию. В Муатроне, например, сослуживцы солдата, убившего в пьяной драке главу бедного французского семейства, принесли искренние соболезнования вдове убитого и собрали для нее значительную сумму.⁴⁴ Сохранились похвальные отзывы и о подразделениях прусского ландвера, размещавшихся гарнизоном в тылу действующей армии. Считалось, что они вели себя куда скромней, проявляли сочувствие к небогатым семьям, у которых находились на постое, и были даже готовы платить за алкоголь или постиранную одежду. Эти отцы семейств мечтали лишь об одном — поскорее вернуться домой.⁴⁵ Известны случаи, когда германские солдаты не только стремились по возможности меньше стеснить хозяев, но даже предпринимали попытки помочь тем по хозяйству.⁴⁶

Немецкое командование на местах предпринимало определенные шаги, чтобы наладить нормальные отношения с французским населением, в особенности с образованными и имущими слоями. При этом определенную роль играли воспоминания о наполеоновских войнах, когда война совершенно не препятствовала общению между аристократическими семьями. Альбомы участников войны как с немецкой, так и с французской стороны сохранили фотокарточки и рисунки приобретенных знакомых из противоположного лагеря, а количество оставшихся у немцев визиток с французскими именами указывало на то, что многие представители высших слоев французского общества поддерживали вполне светские и дружеские отношения с офицерами противника.⁴⁷ В феврале 1871 г. — уже после заключения перемирия, но еще до окончания войны — в Ле Мане были организованы скачки и бал, на котором присутствовали сливки местного общества.⁴⁸

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на взаимоотношения немецких солдат и французского населения оказывали влияние несколько факторов. Первым и главным являлся непосредственный контекст взаимодействия: там, где шли ожесточенные и кровопролитные бои, легко мог вспыхнуть конфликт; мирные жители брались за оружие или предпринимали враждебные по отношению к немцам действия, если поблизости действовали подразделения французской армии.

Вторым важным фактором являлась политика, проводившаяся руководством обеих сторон. Французское республиканское правительство требовало отказа от любого сотрудничества с врагом и, более того, борьбы с неприятелем всеми возможными способами. Ему удалось добиться того, что случаи коллаборационизма были редки, а местные органы власти, как правило, отказывались работать под руководством оккупантов. Однако идти на массовое самопожертвование простые французы оказались не готовы. В свою очередь, немецкие военные власти делали ставку на сотрудничество с местным населением, хотя и грозили жестокими репрессиями за сопротивление, а временами прибегали к таким мерам, как взятие заложников. Однако репрессивные

⁴² См.: Rohkrämer T. *Daily Life at the Front and the Concept of Total War / On the Road to Total War: the American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871*. Cambridge, 1997. P. 504.

⁴³ См.: Hartmann J. *Erlebtes aus dem Kriege 1870/71*. Wiesbaden, 1885. S. 130.

⁴⁴ См.: Surmont A. *Les Allemands dans la Sarthe*. Le Mans, 1873. P. 110, 111.

⁴⁵ См.: Beauvais P. *Notes prises à la hâte et seulement pour mémoire pendant l'invasion des Prussiens à Saint-Germain-en-Laye*. Saint-Germain, 1871. P. 12.

⁴⁶ См.: Sauvée-Dauphin N. *L'occupation prussienne à Versailles // La guerre de 1870–71 et ses conséquences: Actes du XX colloque historique franco-allemand*. Bonn, 1990. P. 240.

⁴⁷ См.: Stein O. *Chez «l'ennemi» comme chez soi: cantonnements allemands chez l'habitant pendant la guerre de 1870–1871 // Revue d'histoire du XIXe siècle*. 2020. № 60. P. 136.

⁴⁸ См.: Kretschman H.v. *Kriegsbrieife aus den Jahren 1870/71*. Stuttgart, 1904. S. 299, 300.

практики не достигли такого размаха, который спровоцировал бы массовую ответную реакцию; в результате спираль нарастающего взаимного насилия не возникла.

Третьим фактором стала общая военная обстановка. Осенью 1870 г., после прихода к власти революционного правительства, сопротивление оккупантам усилилось; надежды на победу широко распространились у французского населения, готового верить самым нелепым оптимистичным слухам. Однако к началу 1871 г. на место надежды в возрастающей степени приходили разочарование и усталость. Та же усталость была характерна и для немецкой армии, что могло привести к росту стихийного насилия в отношении местного населения. Однако немцы одерживали победы, а дисциплина в их армии поддерживалась на высоком уровне, что нивелировало указанную тенденцию. Далеко не случайно хуже всех немецких соединений зарекомендовал себя 1-й баварский корпус, испытывавший горечь поражения (единственного за всю войну) и понесший огромные потери.

Четвертым фактором можно считать национализм, характерный для значительной части как французского, так и немецкого общества. Однако, хотя негативные национальные стерео-

типы существовали по обе стороны границы, представления о «наследственном враге» еще не стали достоянием большинства. В итоге взаимное восприятие в большинстве случаев не было окрашено искренней ненавистью.

Пятым фактором являлась продолжительность контакта. Как правило, в случае длительного взаимодействия отношения улучшались, удавалось преодолеть предрассудки и найти общий язык. В исключительных случаях могли сформироваться даже дружеские отношения.

Ф. Кюлих в своей работе упоминает еще два фактора — географический и классовый. По его словам, французское городское население встречало немцев более враждебно, чем сельское, а высшие и средние слои — дружелюбнее, чем простые рабочие.⁴⁹ В ходе нашего исследования, однако, значительного влияния этих переменных обнаружить не удалось.

Естественно, помимо перечисленных выше факторов, в каждой конкретной ситуации большую роль играли случайные обстоятельства — индивидуальные особенности, черты характера, воззрения ключевых действующих лиц. Однако в масштабе войны в целом эти обстоятельства лишь делали более пестрой общую картину, определяющуюся объективными закономерностями.

Andrei V. Bodrov

Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: bodrovandrew@yandex.ru

Nikolay A. Vlasov

Candidate of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: n.vlasov@spbu.ru

THE GERMAN SOLDIERS AND FRENCH CIVILIANS DURING
THE FRANCO-GERMAN WAR, 1870–1871

The article identifies the most common forms of interaction between the German military personnel and the French civilians in the occupied territories of France in 1870–1871, as well as the reasons why this interaction took one form or another. The authors note the variety of forms of this interaction. Ordinary French people were not ready for mass self-sacrifice, but cases of collaboration were extremely rare. The German military authorities, in turn, did not seek to inflict maximum suffering on the French population and relied on cooperation rather than repression. As a result, spinning the spiral of mutual mass violence during the war of 1870–1871 was largely avoided. The authors identify a number of key factors that influenced the nature of the relationship between the occupiers and the occupied in each specific case. First, the immediate context of the military situation: conflict forms were more often observed in the battle zone. Secondly, the political context: a change in attitudes towards the degree of involvement of the population in the war after the Republican Government of National Defense came to power in Paris and the response of the German command. Thirdly, the factor of the general military situation, growing fatigue from the war and the increasing predetermination of its outcome. Fourthly, the factor of mutual perception of the French and Germans, far from demonizing and dehumanizing the enemy. The fifth factor was the duration of contact. Finally, there are geographical and class factors, due to which the conflict forms were more often characteristic of the urban lower and middle strata of French society.

⁴⁹ См.: Kühlich F. *Op. cit.* S. 297, 298.

Keywords: *Franco-German War of 1870–71, German army, civilians, occupation, resistance, collaboration*

REFERENCES

- Audoin-Rouzeau S. 1870. *La France dans la Guerre*. Paris: Armand Colin, 1989. (in French).
- Bodrov A. V., Vlasov N. A. *Zhelezo i krov'. Franko-germanskaya voyna* [Iron and Blood. The Franco-German War]. Saint-Petersburg: Yevraziya Publ., 2014. (in Russ.).
- Bonhomme É. *La République Improvise: l'Exercice du Pouvoir Sous la Défense Nationale, 4 septembre – 8 février 1871*. Saint-Pierre-du Mont: Eurédit, 2000. (in French).
- Bourachot A., Ortholan H. *Les deux Sièges de Paris, 1870–1871*. Paris: Bernard Giovanangeli Éditions, 2016. (in French).
- Dirou A. *La Guérilla en 1870: Résistance et Terreur*. Paris: Bernard Giovanangeli Éditions, 2014. (in French).
- Farenc C. Guerre, Information et Propagande en 1870–1871: Le Cas de La Champagne. *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine*, 1984, vol. 31, no. 1, pp. 27–53. DOI: 10.3406/rhmc.1984.1261 (in French).
- Igersheim F. De l'Occupation à l'Annexion. L'Alsace en 1870. 1870. *De la Guerre à la Paix. Strasbourg, Belfort: Actes du Colloque*. Paris: Hermann, 2013. (in French).
- Jeismann M. *Das Vaterland der Feinde. Studien zum Nationalen Feindbegriff und Selbstverständnis in Deutschland und Frankreich 1792–1918*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1992. (in German).
- Kühlich F. *Die Deutschen Soldaten im Krieg von 1870/1871. Eine Darstellung der Situation und Erfahrungen der Deutschen Soldaten im Deutsch-Französischen Krieg*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 1995. (in German).
- Lalouette J. La Légion d'Honneur et les «Petites Patries». Les Communes Bourguignonnes Décorées de la Légion d'Honneur. *La Fabrique de l'Honneur: Les Médailles et les Décorations en France, XIXe–XXe siècles*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009, pp. 39–53. (in French).
- Lebreton L. *L'Héroïque Défense de Châteaudun du 18 Octobre 1870, Histoire d'un Mythe*. Châteaudun: Association Mémoire et Histoire, 2015. (in French).
- Parisot G. De la Négociation Comme Instrument d'Occupation Pacifiée et d'Exploitation Économique Efficace Pendant la Guerre de 1870–1871. Le Temps des Hommes Doubles. *Les Arrangements Face à l'Occupation, de la Révolution Française à la Guerre de 1870*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2013, pp. 279–302. (in French).
- Parisot G. La Capitulation est Dans la Rue? Retour sur les Volontés de Résistance ou de Reddition des Villes Face à l'Ennemi au Cours de la Guerre de 1870. *La Ville en Ébullition: Sociétés Urbaines à l'Épreuve*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2014, pp. 145–180. (in French).
- Rak C. *Krieg, Nation und Konfession. Die Erfahrung des Deutsch-Französischen Krieges von 1870/71*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2004. (in German).
- Rohrkramer T. Daily Life at the Front and the Concept of Total War. *On the Road to Total War: The American Civil War and the German Wars of Unification, 1861–1871*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, pp. 497–518. DOI: 10.1017/CBO9781139052474.023 (in English).
- Roth F. *La Guerre de 1870*. Paris: Fayard, 1990. (in French).
- Roynett O. Vainqueurs et Vaincus: Réflexions sur l'Historiographie de l'Occupation en Europe (XIXe siècle – Première Guerre Mondiale). *Les Comportements Collectifs en France et dans l'Europe Allemande 1940–1945*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2015, pp. 285–292. (in French).
- Sauvée-Dauphin N. L'Occupation Prussienne à Versailles. *La Guerre de 1870–71 et ses Consequences: Actes du XX Colloque Historique Franco-Allemand*. Bonn: Bouvier Verlag, 1990, pp. 231–248. (in French).
- Stein O. Chez "l'Ennemi" Comme Chez Soi: Cantonnements Allemands Chez l'Habitant Pendant la Guerre de 1870–1871. *Revue d'Histoire du XIXe siècle*. 2020, no. 60, pp. 123–143. DOI: 10.4000/rh19.6876 (in French).
- Stoneman M. The Bavarian Army and French Civilians in the War of 1870–1871: A Cultural Interpretation. *War in History*, 2001, vol. 8, no. 3, pp. 271–293. (in English).
- Tison S. *Comment Sortir de la Guerre? Deuil, Mémoire et Traumatisme (1870–1940)*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2011. DOI: 10.4000/books.pur.110280 (in French).
- Zemtsov V. N. *Napoleon v Rossii: sotsiokul'turnaya istoriya voyny i okkupatsii* [Napoleon in Russia: The Sociocultural History of the War and Occupation]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. (in Russ.).

Для цитирования: Бодров А. В., Власов Н. А. Немецкие солдаты и французское мирное население во время франко-германской войны 1870–1871 гг. // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 51–59. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-51-59.

For citation: Bodrov A. V., Vlasov N. A. The German Soldiers and French Civilians during the Franco-German War, 1870–1871 // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 51–59. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-51-59.